

18+

ИСПОВЕДЬ МАССАЖИСТКИ

КОНЧИКАМИ ПАЛЬЦЕВ ПО СТРУНАМ ДУШИ

Юлия Каравеева

Юлия Караваяева
Исповедь массажистки.
Кончиками пальцев
по струнам души

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58859081
ISBN 9785005146052*

Аннотация

«Все, что не убивает нас – делает нас сильнее»... правда или красивые слова? Судьба подкидывает Гульнаре одно за другим испытания на прочность. Как научиться выживать в одиночку в джунглях 90-х на постсоветском пространстве, как не растерять себя на этом пути – относиться к жизни с юмором или философски... или не иметь другого выхода, кроме как выжить, потому что если сломается она, погибнет еще один человек – самый для нее дорогой.

Исповедь массажистки Кончиками пальцев по струнам души

Юлия Караваева

Корректор Марина Копылова

© Юлия Караваева, 2020

ISBN 978-5-0051-4605-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дискинетическая форма ДЦП

(используется и термин «гиперкинетическая форма»)

Одной из самых частых причин данной формы является перенесённая гемолитическая болезнь новорождённых, которая сопровождалась развитием «ядерной» желтухи. При этой форме, как правило, повреждаются структуры экстрапирамидной системы и слухового анализатора. В клинической картине характерно наличие гиперкинезов: атетоз,

хореоатетоз, торсионная дистония (у детей на первых месяцах жизни – дистонические атаки), дизартрия, глазодвигательные нарушения, снижение слуха. Характеризуется произвольными движениями (гиперкинезами), повышением мышечного тонуса, одновременно с которыми могут быть параличи и парезы. Речевые нарушения наблюдаются чаще в форме гиперкинетической дизартрии. Интеллект развивается в основном удовлетворительно. Отсутствует правильная установка туловища и конечностей. У большинства детей отмечается сохранение интеллектуальных функций, что прогностично благоприятно в отношении социальной адаптации, обучения. Дети с хорошим интеллектом заканчивают школу, средние специальные и высшие учебные заведения, адаптируются к определённой трудовой деятельности.

Гемолитическая болезнь новорождённых (ГБН) – патологическое состояние новорождённого, сопровождающееся массивным распадом эритроцитов, является одной из основных причин развития желтухи у новорождённых. Гемолиз происходит из-за иммунологического конфликта матери и плода в результате несовместимости крови матери и плода по группе крови или резус-фактору. В результате компоненты крови плода становятся для матери чужеродными агентами (антигенами), и в ответ на них вырабатываются антитела. Антитела проникают

через гематоплацентарный барьер, атакуя компоненты крови плода, в результате чего уже в первые часы после рождения у ребёнка начинается массивный внутрисосудистый гемолиз эритроцитов.

Первое описание в литературе датируется 1609 годом (Франция). В 1932 году Луис Даймонд и Кеннет Блэкфэн показали, что *hydrops fetalis*, *icterus gravis* и тяжёлая анемия новорождённых являются проявлениями одного заболевания, связанного с гемолизом эритроцитов и названного ими *erythroblastosis fetalis* (неонатальный эритробластоз). В 1941 году Филлип Левин обнаружил, что причиной этого синдрома является резус-несовместимость родителей.

* * *

Пожалуй, ни одна профессия, кроме моей, не дает возможности настолько быстро и глубоко внедриться во внутренний мир человека или домашний уклад его семьи, понять, чем и как тут дышат, кто главный, кто реально принимает решения, и прочее, и прочее. Я, как червяк в яблоко (мда, не очень приятная метафора, зато точная!), сразу забираюсь в самую серединку, в суть, так сказать, внутримашней жизни. Иногда мне это нравится. Иногда — нет. Ну, бывает интересно, чисто по-женски любопытно, иногда, правда, не эстетично и неприятно, иногда откровенно противно,

а иногда и рискованно. Впрочем, об этом далее, что уж там держать интригу, работаю я детским массажистом, скажем так, по вызову. То есть не при поликлинике или медицинском центре, а откровенно частным образом, хожу по домам и квартирам клиентов делать их чадам лечебный или профилактический массаж.

Профессия, чего уж там, не верх престижа, и, держу пари, ни разу в детском саду какие-нибудь там Машенька или Витенька, встав на стул на утреннике, не объявляли счастливым родителям — а я не хочу стать космонавтом, как Тимур, и даже не актрисой, как Маринка, а я решил(а) стать массажистом! И в школе не писали сочинения на тему «Моя мечта — делать массаж на дому!» Но я ж и не говорю, что сама выбирала это занятие. Судьба сподобила, уж злодейка или нет, судить не берусь. Я — фаталист, верующий во вселенский разум, исполненный справедливости и обладающий развернутый планом насчет того, кто и что будет делать по жизни во исполнении неизвестной, но очень справедливой вселенской цели. Поэтому не ропщу. Ну, хорошо, если честно, бывает, и ропщу иногда. Человек слаб... ничего уж тут не поделаешь.

А в детстве, как и у всех советских детей, была у меня мечта обладать героической, и, вместе с тем, романтической профессией, например, стать врачом. Ну, ясное дело, не просто терапевтом в районной поликлинике, злобной этакой теткой в сером халате с кучей бумаг на столе, у ко-

торой из врачебных инструментов только стетоскоп и противная металлическая палка для горла — кошмар всех дошкольно и школьно-возрастных пациентов. Хотелось быть гениальным хирургом, чтобы браться оперировать всех безнадежных пациентов и возвращать их к жизни. А уж потом, в белоснежном больничном коридоре, скромно опускать глаза и сдержанным, но полным достоинства и понимания собственной значимости голосом говорить благодарным, со слезами на глазах, родственникам: «Ну что вы, это же моя работа...», — и удаляться за белые и стеклянные двери в окружении интернов и ассистентов — спасти следующую жизнь. А еще вечерами, как профессор Преображенский из «Собачьего сердца», совершать какое-нибудь важнейшее открытие, которое продвинет медицину лет этак на 20 вперед, чтобы все газеты писали: «Советские ученые-медики — лучшие в мире», а внизу скромно — моя фамилия.

Кстати, чтоб не перебарщивать со скромностью, фамилия моя Икрамова, зовут Гульнара Анваровна. Внешность же моя при таком имени часто вводит добрых людей в замешательство, так как является ваша покорная слуга обладательницей светло-зеленых глаз, европейского типа лица с россыпью веснушек, и темно-русой косы. Правда, не до пояса. И редко когда косы, в основном конского хвоста или этакой дули на затылке. Причиной сего феномена является межнациональная любовь моих любимых родителей, которая для того благословенного времени вовсе не была чем-то из ря-

да вон выходящим. Время было такое. Все — граждане одной страны, не особо разделяли друг друга на узбеков, русских, украинцев и так далее. Браков таких, как у моих родителей, было предостаточно, особенно в начале 70-х годов, благодаря дружбе народов и взаимовыручке молодых энтузиастов из всего Советского Союза, бросившихся, как один, помогать отстраивать разрушенный землетрясением в апреле 1966 года Ташкент.

* * *

Воздух Ташкентской ранней весны 1967 года опьянил молодую, крепкую и довольно миловидную девушку из Украины Риту Коломеец еще на городском вокзале, куда она прибыла вместе с очередным отрядом добровольцев на поезде Харьков-Ташкент. Ташкент бешено и весело приветствовал молодых людей свежим ветром с примесями специй, энтузиазма, авантюризма, молодости, кипучей деятельности, и ароматом горячих лепешек и уличного шашлыка, от которого сводило скулы и немедленно начинал выделяться желудочный сок!

Семь месяцев на спине взбесившегося верблюда — так описывали ташкентцы вторую половину 1966 года. Начиная с 26 апреля и вплоть до декабря город трясло и будоражило. Десятки тысяч семей без крова, город в развалинах — и чудо человеческой взаимовыручки.

В годы войны Ташкент прослыл хлебным городом. Ни одному беженцу не было отказано в крыше над головой и куске лепешки, частенько оторванному от своей порции. Теперь, через двадцать лет, изуродованный город принимал благодарность за своё гостеприимство от всех народов Советского Союза!

Успешная кампания по привлечению добровольцев-строителей была начата руководителем комиссии из Москвы, незамедлительно прибывшей в Ташкент, Леонидом Брежневым. Он, будучи фронтовиком, предложил формулировку, воплощавшую в себя идею проекта: «Ташкент в годы войны принял тысячи и тысячи беженцев, десятки эвакуированных заводов, а потому долг всей страны – ответить добром на добро».

Народ Советского Союза счел необходимым ринуться помогать узбекским братьям. А как же, когда даже звезда немалой величины, поэт Андрей Вознесенский принимает участие в этой «пиар-кампании» и кричит с вышины журнальных и газетных страниц:

Помогите Ташкенту!

Озверевшим штакетником

вмята женщина в стенку.

Ты рожаеть, Земля.

Говорят, здесь красивые горные встанут
массивы.

Но настолько ль красиво,

чтоб живых раскрошило?

Если лес – помоги,
если хлеб – помоги,
если есть – помоги,
если нет – помоги!

Помоги! Помоги! – грохотало в каждом городе, каждой университетской аудитории, актовом зале каждого предприятия! Составы с добровольными помощниками продолжали появляться на ташкентском вокзале. Прибывшие расселялись в палаточных городках и незамедлительно включались в работу. Город кипел и шумел, как разворошенное пчелиное гнездо, созидавая и бесконечно наращивая темпы этого созидания.

Родители Риты, конечно, были против – отправить одну девочку, нет еще и двадцати лет – куда? К черту на кулички! Азия! Дикость! Да разве кто будет родителей слушать, когда вся комсомольская ячейка едет. И парни, и девушки!

Рита клятвенно обещала вернуться, и тут же сама себе противоречила, надеясь вызвать у родителей материальный интерес, говорила, что в Ташкенте у строителей есть реальный шанс получить собственную квартиру в новостройке. Она знала, что поедет независимо от того, удастся или нет убедить родителей. У юности свои приоритеты, свои понятия о том, что правильно. Родителей эти юные герои, конечно, любят, но искренне считают их раритетом, мало что понимающим в жизни.

А в самом деле, о чем думает молодежь в 20 лет? Конечно, не о квартирах и не о мнении родителей. Ведь вся жизнь впереди – и надо прожить ее интересно и обязательно полезно! А где еще можно принести пользу своей стране и своему народу, как ни на стройке века?!

Работалось в Ташкенте много и тяжело, но как было интересно! Вокруг – девчата и парни со всего Союза. Кого только не было: и белорусы, и грузины, и армяне, и литовцы – всех не перечислишь. Вот она – истинная дружба народов, подпитываемая теплым климатом, предполагающим прогулки, и дешевой, упоительно вкусной едой. Вино на Алайском рынке – 20 копеек, миска плова 70 копеек, шашлык 10 копеек, гуляй – не хочу.

А парни узбекские такие вежливые и внимательные. Не могла удержаться Рита – влюбилась в водителя грузовика, работавшего на стройке, Анвара Икрамова. Высокий, стройный, сильный, смуглый. А говорит как занимательно – немного коверкая русский язык, но как ласково, мягко. Пришлось и родителей вызывать из Харькова – гостями на свадьбу, и квартиру выхлопотать в ускоренном темпе. Жизнь продолжалась, и продолжалась она определенно в Ташкенте.

* * *

Мои подружки, девчонки первого курса Ташкентского медицинского института, были все как на подбор веселые, ху-

деньские и шустрые. Как в старой шуточной песенке, которая отговаривает молодых парней жениться на медичках по причине того, что они «тоненьки, как спички», зато пропагандирует брак с курсистками, потому что они «толсты, как сосиски». Несмотря на это, кавалеров нам хватало, и начало студенческой жизни было всегда наполнено не только учебой, но и любовными переживаниями. Но отличилась, выскочив в начале второго курса замуж, только я.

Все началось – ни за что не угадаете, со... свадьбы. Правильно говорите, обычно все этим заканчивается, и после фразы «И жили они долго и счастливо, и умерли в один день», следует надпись «Конец фильма». У меня было все наоборот, точнее, все было вверх ногами, точнее, ничего такого, что показывают в фильмах с хэппи эндом, у меня не было. Все было как в жизни, которая преподносит иногда такие сюрпризы, которые никаким режиссерам и не снились.

Моя подруга с третьего курса нашего же мединститута Зарема, крымская татарка с фигурой греческой гетеры и ослепительными черными глазами в пол лица, выходила замуж. Без обсуждений и каких-либо сомнений на этот счет, я была назначена подружкой невесты, или, как тогда говорили, свидетельницей. В мои обязанности входило помогать невесте надевать свадебное платье, делать ей прическу, макияж, терпеть все ее капризы и нытье на почве стресса (а именно: она толстая, прическа ей не идет, за торт запросили слишком много денег, сторона жениха пригласила в два раза боль-

ше гостей, чем договаривались, и прочие счастливые мелочи свадебного переполоха). В конце концов, на мне лежала официальная часть свидетельских обязанностей, а именно – поставить свой автограф в большой Книге для записей в районном ЗАГСе.

Свадьба – это, конечно, событие! К нему долго готовятся и морально, и материально. Между нами, девочками, обсуждается уйма жизненно-важных вещей, таких, как, к примеру, делать ли броский, яркий макияж, а в конце 80-х именно такой был остро в моде, или скромный, как подобает молодой девушке-невесте, еще и из восточной семьи. Эта дилемма будет поважнее разных там мелочей, типа Перестройки и Гласности, которые все взрослые дядьки и тетки с упованием обсуждали повсюду.

Решили остановиться на скромном. Подружки, правда, натащили кучу косметики, каждый поделился тем, что было... времена-то нелегкие были – дефицит. Поди еще попробуй найти в магазинах что-нибудь толковое. Даже тушь ленинградскую перестали продавать. Вот и выкручивались, кто как мог. Кому-то что-то родственники привозили, это кому повезло иметь таковых с выездом за границу или хотя бы в Москву. Кто-то у фарцовщиков отоваривался втридорога. Кто-то рисковал и покупал «импортную» продукцию китайских ремесленников, грязноватым контрабандным потоком протекающую на подпольные советские рынки.

«Красить» невесту должна была я, и вот, натянув уже

платье, невеста взгромоздилась на табурет (и стала похожа на пирожное на четырех ножках с вишенкой в виде Заремкиной головы) перед окном, чтобы у меня было достаточно света для создания моего шедевра на ее симпатичной, но бледной от волнения мордашке. Я, замотав Заремку в простыню, чтобы не испачкать платье, и вооружившись солидным арсеналом собранных с миру по нитке достижений косметической промышленности, стала превращать Заремку в красавицу писаную.

Не успев дорисовать карандашом Пупа стрелку на левом глазу, я вздрогнула от крика Заремкиной бабушки из соседней комнаты:

– Кольца! Фаина (это Заремкина мама), ты куда перепрятала кольца?

– Я не трогала, мам, – кричит Заремкина мама из кухни, нарезая закуску для жениха и гостей, которые должны были скоро приехать выкупать невесту.

В течение десяти минут съехавшиеся на свадьбу тетки, бабушки, двоюродные, троюродные и далее по списку сестры ищут по всей квартире обручальные кольца, которые бабушка спрятала в секретер. Вчера вечером наша будущая невеста и мне их показывала, когда я зашла после института, чтобы оставить увесистый пакет с добытой косметикой.

Заремка сорвалась с табуретки, чуть не упала, запутавшись в простыне, и, сбросив ее на пол, как гусеница кокон, выпорхнула в дверь самолично помогать обшаривать секре-

тер и окрестности в поисках красной коробочки с кольцами. Я стою, зажав в руке карандаш Пупа, и не знаю, что делать. Дверь распахивается, и моя подруга с бешеными глазами залетает в комнату.

– Гулька! А ты не брала? Может, ты взяла, а?

Мои глаза становятся еще больше подружкиных.

– Зачем?

– Ну, не знаю... посмотреть.

– Так мы ж смотрели уже вчера. Кольца как кольца. Красивые. Ты же при мне их обратно убрала.

Потихоньку, крадучись, как охотник, который не хочет спугнуть зверя, в комнату wpłyвает бабушка Заремки, тетя Фатима. За ней, вытирая руки об кухонное полотенце, по стеночке двигается тетя Фаина. За ними напирают в дверь остальные тети, многоюродные сестры и прочий родственный люд. Сердце мое забилося в усиленном ритме.

– Гулечка... – неестественно ласковым тоном заговорила тетя Фаина, – ты, может, взяла и забыла на место положить. Так ты поищи у себя в сумке, может, случайно туда положила.

– Да вы что? – еле выдохнула я, не веря, что такое может со мной приключиться... – Зачем мне это? Я не воровка.

– Да мы и не говорим, что ты воровка, что ты! Просто мало ли... взяла посмотреть, потом случайно положила куда-нибудь и забыла обратно вернуть? А? Поищи, пожалуйста.

– Тетя Фаина, я не слабоумная, чтобы брать чужие вещи и случайно складывать себе в сумку. Я не брала ваши кольца. Может, кто-то другой взял.

– Кто? Из чужих в доме только ты! – вырвалось из бабушкиных губ, перекошенных от злости. У меня задрожали губы и коленки. Было очевидно, что про себя она уже провела следствие, суд, и вынесла приговор.

– В смысле... ты не чужая, конечно, – залепетала Зарема, – Но остальные – семья. И потом никто не знал, что они там лежат. Только ты, бабушка Фатима, мама и я.

Коленки мои задрожали еще сильнее, так, что стали потихоньку подгибаться, а глаза наполнились слезами. Что я могла сделать против этой татаро-монгольской орды одна, вооруженная только карандашом Пупа наперевес?

– Я не брала, я поклянусь, чем хотите, я вообще никогда чужое не брала. Это не я, Зарема, я же твоя лучшая подруга, как же так, я бы никогда... – запричитала я сквозь слезы, которые уже градом катились из моих глаз, смывая красиво нарисованные этим проклятым утром стрелки и размазывая тушь по щекам.

Я смотрела на людей передо мной, таких приветливых и ласковых этим утром, и отчетливо видела, что никто из них мне не верит... даже Заремка, с которой я не раз делилась последним бутербродом и которая не раз клялась мне в дружбе навеки, до гроба, и вообще! Как же было унизи-

тельно быть подозреваемой в воровстве! Как же доказать мою невиновность, если мне на слово никто не верит!

Вопрос решила суровая бабушка Фатима, причем решила кардинально. – Надо ее обыскать! Зарема, где ее сумка?

Заремка фурией метнулась в прихожую и принесла серую маленькую сумочку, которую я выпросила у мамы в честь подружкиной свадьбы. Старательно избегая смотреть в мою сторону, чтобы случайно не встретиться со мной взглядом, она протянула сумочку бабке. Та, не церемонясь, рванула замок-молнию и давай хищно рыться внутри, как стервятник в желудке дохлой животины. Смекнув, что так искать неудобно, она принялась трясти сумку над кроватью, и все мои скромные пожитки: зеркальце, платочек, ручка, помада, гребешок и деньги – четыре рубля пятьдесят шесть копеек – полетели на одеяло. Бабка-полицай не успокоилась и принялась ощупывать сумку в поиске потайных кармашков, и, не найдя таковых, в сердцах швырнула сумку на кровать. Заремкины родственницы стояли по стеночкам, таращили глаза и вытягивали шеи от любопытства.

Я чувствовала, что меня выворачивает наизнанку от стыда и отвращения. Мне и в голову не могло придти, что они на этом не успокоятся. Я схватила сумку и начала как попало запихивать в нее все содержимое. Выбраться бы только отсюда, а там, в подъезде, уже можно будет дать волю слезам. И ноги моей больше не будет в этом доме!

– Куда это ты собралась, ласточка моя? – ехидным тоном

пролаяла бабка Фатима. – Колечки маленькие, а вдруг ты их на себе спрятала? Думала – хитрая, да? Думала – не найдут? А ну-ка, снимай платье!

Ноги мои теперь подкосились, так что пришлось опереться на подоконник, чтобы не упасть. Это что же? Они меня всю обыскивать будут? Это же нельзя! Это не по-советски, не по-человечески, в конце концов! Это же только в фильмах про фашистов бывает!

– Вы не имеете права... – из последних сил выдохнула я, – ...я не дам себя раздевать. Это унижительно... это стыдно. Вызывайте милицию, и пусть они разбираются.

– Ага, сейчас мы вызовем! Стыдно ей! А кольца у подружки на свадьбе воровать не стыдно? Говорила я тебе, Зарема, на цыганку она похожа со своими глазами зелеными, нельзя ей доверять! А ну, снимай, я сказала, а то сама сниму! И церемониться с тобой не буду!

Вся родственная толпа стояла с открытыми ртами и гладела на нашу перепалку. Никому не пришло в голову заступиться за меня. Может, и пришло, только бабку они боялись. А скорее всего, наплевать им было на чужую девчонку, когда успешное бракосочетание их Заремы оказалось под угрозой.

Родственников вывели из комнаты, и я, в присутствии лишь фашистской бабки, Заремки и ее мамы, заливаясь слезами, стянула платье, каждый сантиметр которого они прощупали и на свет просмотрели. Бабка настаивала на снятии нижнего белья, мама, видя мое близкое к обмороку состоя-

ние, ее отговаривала. Но бабка была кремень! Как будто в гестапо проходила практику. Если надо, она бы и пытки, не задумываясь, применила. Так сказать, допрос с пристрастием, метод физического воздействия.

Спасла меня Феруза, пятнадцатилетняя троюродная сестренка Заремы. Оказывается, пока меня мучили в спальне, остальные продолжили механически ковыряться по шкафам и искать треклятые кольца, пока, наконец, маленькая Феруза ни наткнулась на красную коробочку в шкафу, на полке с постельным бельем, спрятанную между простынями и пододеяльниками.

Цепкие бабкины пальцы разжались на моем плече как по волшебству, оставляя белые следы, которые к вечеру превратились в синяки. Она с треском хлопнула себя по лбу.

– От, старая колода. Я их же перепрятала сегодня утром от греха подальше. Утром встаю, думаю – народу в доме куча, туда-сюда ходят, а кольца-то почти на виду! Как у меня из головы вылетело, ну, слава Аллаху! Нашлись! Ты не сердчай, дочка, – бросила она в мою сторону, не поднимая глаз, – как говорится, и на старуху бывает проруха, одевайся быстрее, сейчас уже жених приедет. Заремка, ты что ж, не готова еще! Ну-ка, шустро заканчивай свои мазилки, а я пойду матери на кухню помогу.

Несколько секунд Заремка и ее тетя Фаина стояли как вкопанные, и вдруг кинулись суетиться вокруг меня, гладить по плечам и по спине, извиняться, натягивать на меня измя-

тое платье... Бабка утопала прочь, тетя Фаина сказала, что мне надо выпить чаю, она сейчас сделает мигом, и тоже тихонько выскользнула из комнаты. Зарема стояла и смотрела на меня, не зная, какой реакции от меня ожидать. Я молча застегнула все пуговицы на платье. Взяла сумку и направилась к двери. Прошла через зал под молчаливым гнетом любопытных взглядов крымско-татарской родни и принялась возиться с ремешками туфель в коридоре. Как назло, там не горел свет, а включать мне не хотелось из принципа. Противно было дотрагиваться до чего-либо в этом доме. Подруга моя очнулась от ступора, ураганом ворвалась в прихожую, заняв в своем пышном платье почти все пространство маленького коридора.

– Гулечка, не уходи, пожалуйста, ну прости меня, ну пойми же – свадьба, если бы кольца не нашлись, где бы мы их взяли? Уже бы даже новые не успели бы купить, до регистрации час, да и денег нет на новые, ты представляешь все бы сорвалось... это же катастрофа...

– Я тут ни при чем. Дай мне уйти.

– Прости, пожалуйста, да, ужасно некрасиво получилось, я никогда, вот клянусь, никогда бы на тебя не подумала, но действительно никто не знал, где они... кто бы мог подумать, что у бабки маразм уже близко... – теперь она говорила свистящим шепотом почти мне в ухо. – Гулечка, ты бы знала, как я их всех тут ненавижу, я ж и за Костю-то замуж иду, лишь бы сбежать поскорее из этого дурдома, сама уже не мо-

гу в этой тирании жить, все бабушку боятся, слова ей поперек сказать нельзя... останься до конца, я умоляю тебя! Кого я сейчас найду свидетелем вместо тебя, Гуля, моя жизнь в твоих руках, ну хочешь, я на колени встану, не уходи.

– Я думала, ты его любишь. Костю.

– Да люблю, люблю, ты не уйдешь ведь, да? Мама чай сделала, пойдем, – и она потянула меня за рукав обратно в комнату.

Сейчас я практически не помню, как на автомате докрасила невесту. Приехали другие девочки, потом жених с друзьями, после разных забав, называемых выкупом невесты, поехали в ЗАГС, расписались. Потом, как водится, была поездка по красивым местам столицы пофотографироваться, потом домой отдохнуть, и вот последнее усилие с моей стороны – ресторан. Может, это была моя паранойя, но мне казалось, что все эти нарядные шушукающиеся гости только и делают, что глазают на меня и обсуждают утрешний мой позор. Как говорится в старом анекдоте: «Ложки-то нашлись, но осадок остался...»

События всего дня слились в одну серо-буро-малиновую массу, приправленную предательством подруги, стыдобическим подозрением в воровстве и унижением обыска. Я сидела за столом с каменным лицом и считала минуты до момента, когда можно будет уйти домой, не испортив Зареме свадебный пир. И вдруг... это самое «вдруг» я буду помнить всю жизнь в ярчайших красках и малейших деталях. В дверь

свадебного зала вошел высокий и красивый парень, и остановился в растерянности, соображая, в какую сторону ему двигаться дальше. Тут я поняла, что означает, когда говорят, что жизнь – это зебра. Черную полосу своей жизни я с утра по-пластунски ползу, словно через болото, грязь, бурелом и прочие неприятные вещи. И вот, наконец, в качестве вознаграждения за все мои муки мученические, я вижу эту вожденную замечательную белую полосу, по которой идти будет одно удовольствие – мягкая травка с цветочками и ягодками по краям дорожки, ласково пригреваемая весенним солнышком.

Мое воплощение мечты о (ни много, ни мало) собственном муже прошагало длинными ногами до стола новобрачных, пробормотало слова поздравления, сунуло конверт в руки жениху и отчалило в поисках своего места за столом. Я обернулась к предательнице-Заремке и обрадовала ее, что передумала уходить и, может быть, даже прощу ее за утреннее безобразие, если она познакомит меня с этим парнем, потому как именно с ним я планирую повторить ее с Костяном прогулку до ЗАГСа. Подруга моя открыла свой подкрашенный красной помадой ротик, который тут же растянулся в облегченной улыбке.

В общем, так началась моя самая первая большая любовь всей жизни. Через три дня Олег предложил мне стать его женой. Когда я по пионерски радостно, с веселым энтузиазмом и улыбкой шесть-на-девять объявила эту новость дома, как

не трудно догадаться, реакция родителей меня разочаровала до глубины души. Как они могли не радоваться вместе со мной? Когда мне так хорошо, у меня бабочки в животе, звезды в глазах, и прочая нечисть и живность во всех частях организма танцует джигу и мешает адекватно соображать, да ну и черт с ним, с соображением, если я его люблю, и он меня любит!

– Рано тебе еще замуж! – вынесла приговор суровая мама, оторвавшись от швейной машинки и перестав на минуту стучать... чем там она стучит, эта машинка, педалями, что ли... – Отучись сначала, профессию, как говорится, приобрети, а потом уже и по мужикам скакать начнешь.

– Во-первых, я ни по кому скакать не собираюсь. У меня жених. Один единственный. На всю жизнь. А во-вторых, ты в курсе вообще, сколько мне учиться? Я же в медицинском! Так и старой девой можно остаться, если ждать до конца. Можно прекрасно совмещать приятное с полезным, – парировала я, уверенная, что главное – пожениться, а остальное – трин-трава, и все само собой как-нибудь наладится.

– А жить вы на что собираетесь? И где?

– Олег работает... да. Не фирмач, конечно, строитель... зарплата небольшая, но стабильная... у него руки золотые, так все говорят. И потом, я буду подрабатывать. Уколы там делать, капельницы и все такое. Ну, как-нибудь... мам, ну, не порти ты мне сегодняшний день, ну, пожалуйста. Мааам, знаешь какая я счастливая, а?

– Ой, делай что хочешь, все равно меня никогда не слушаешь. В любом случае отец – против. Иди с ним говори.

Папа сидел на балконе, курил и читал «Правду». Как же я его люблю, моего папочку! Люблю его смуглые большие руки с выступающими венами, все время чем-то занятые – чинят ли старый будильник, или режут мясо на плов, держат ли мои тетрадки, чтобы проверять, как написаны уроки, или возятся во внутренностях его любимой «Волги». Папа мой работал таксистом. Работал много, ночами тоже, относительно неплохо зарабатывал. В Узбекистане принято, что мужчина несет ответственность за материальное состояние семьи. Может, сейчас акценты немного и сместились, женщины стали более востребованы на работе, чем раньше, точнее, получили больше возможностей зарабатывать деньги. Тогда мама, хоть и украинка была, но полностью приняла восточный уклад семейной жизни, так сказать, наш узбекский домострой, переквалифицировалась, так сказать, в серого кардинала, и мнение отца, Анвара Шариповича, у нас официально было всегда главенствующим и решающим.

– Замуж за русского ты не пойдешь. Это исключено. Отец говорил медленно и спокойно, как будто сказку на ночь рассказывал.

– Папа! Ты что же, националист! Сам на русской женился! – не веря своим ушам, вскричала я в сердцах.

– Дурак был.

– Я тоже дура! Вся в тебя!

– Пойми, дочка, за русским будешь иметь свободу, но не будешь иметь денег. Будешь сама беспокоиться, чем детей кормить.

– Неправда, Олег очень ответственный!

– Это ты за три дня поняла? Какая умная дочь у меня, оказывается...

– Да! И за три дня можно понять человека, если захочешь. А можно тридцать лет вместе жить, и так друг друга и не узнать. У нас любовь, ты понимаешь?

– Ээх, понимаю, сам точно так же говорил родителям, когда они меня отговаривали жениться на твоей маме. Да уперся, как ишак.

– Ну и что! Ну, и хорошо. Вон сколько лет прожили. Троих детей вырастили!

– Прожили. Легко не всегда было. У твоей мамы тоже характер... не мед с халвой. Лицо отца посерьезнело и погрузнело, как будто на него легла тень. Я вдруг подумала, что он уже не так уж молод... время, время летит...

– Дочка, русские мужики выпивать любят. Если у них трудности, они сразу к бутылке... как будто она все вопросы решает. Если уважаешь меня, откажись. Повремени. Чуть-чуть подожди. Мы тебе найдем хорошего парня, если уж так замуж приспичило.

– Нет, – голос мой стал жестким и холодным. Первый раз в жизни я почувствовала в себе силы противоречить отцу и стоять на своем до конца. – Я, папа, все решила. Это моя

жизнь. Если ты меня поддержишь, я выйду за него замуж. Если нет, все равно выйду. Только мы с тобой поссоримся. Делай, как хочешь.

– Что ж, выросла дочь, я даже и не заметил, – усмехнулся отец в прокуренные усы. – Взрослая, значит, стала. Совершеннолетняя. Отцу перечишь. Так тому и быть. Твоя жизнь – тебе и выбирать. Но помощи моей не жди. Помни, что я был против. Сами свадьбу делайте. Свадьба маленькая будет. Дома. Никаких ресторанов и прочего шума. Квартиру будете снимать – у нас жить не будете. Если согласна – действуй, и скажи своему... этому... как его... пусть придет говорить со мной сегодня вечером.

Конечно, я была согласна. Предложи он мне в одну ночь гору снести или мост через реку Анхор построить – я бы точно так же радостно закивала, как тогда на балконе. Чмокнув папу в морщинистую смуглую щеку, я помчалась звонить Олегу домой, чтобы обрадовать «согласием» родителей.

Поженились мы только через полгода. Копили на свадьбу деньги и наслаждались таким коротким и таким сладостным конфетно-букетным периодом в нашей жизни. Ташкентская весна – ранняя. В марте, когда в средней полосе России еще снег лежит, начиная робко и понемножку подтаивать, обнажая все серые и грязные некрасивости, скрытые под его сплошным, белым и чистым покрывалом, а деревья еще стоят угрюмые, тыкая в пасмурное небо своими черными колючими ветками, у нас, в Средней Азии, уже солнце всю лу-

пит своими горячими лучами по затылкам прохожих и слепит им глаза. Школьники идут домой с куртками в руках, и совсем не хотят заходить в свои квартиры, им так хочется подольше поиграть на свежем воздухе. Глаз радуется количество зелени на улицах – деревья, кусты, клумбы, все пышет таким ярким и чистым зеленым цветом, что начинает даже где-то под языком подсасывать от такой зелени. Хочется сутки напролет жить на улице, в этом свежем, зеленом и согретом солнышком мире! Нам с Олегом другого и не надо было – каждую свободную минутку мы проводили на воздухе, даже от моего института он, бывало, провожал меня пешком, а это ни много ни мало часа два пешком. Сколько мы километров находили в то благословенное время! Туфли мои стоптались в хлам, до дырок на подошвах. Но! Кому было до этого дело! И мы говорили, говорили... О чем? Обо всем и ни о чем. Нам было весело и радостно каждый миг, каждую секунду, невзирая ни на что. Ничего не имело значения в этом мире, кроме нашей любви и нашего счастливого совместного будущего.

Кино, цветы, прогулки в парках по вечерам, подарки в виде маленьких милых мелочей, как, например, сердечко из двух половинок – одну держишь у себя, одну даришь любимому. Олег откладывал четверть зарплаты и все, как тогда говорили, «левые» заработки, чтобы успеть к лету собрать достаточно денег для свадьбы и на первое время после – все-таки предстояло оплачивать нашу малюсенькую

сьемную квартиру.

Кроме того, мы так мечтали сразу же завести малыша. Мы оба обожали маленьких детей, и понятие семьи для нас было полноценным только при наличии двух, а то и трех румяных и хулиганистых отпрысков. Как хотели, так и получилось. Через два месяца после свадьбы я обрадовала мужа визитом в женскую консультацию с подтверждением моей беременности.

Все девять месяцев я проскакала, как коза, без признаков токсикоза, сонливости, усталости и прочих «радостей интересного положения». Вот что значит молодость и семейное счастье. Я до последнего ходила в институт, бегала по соседям, подрабатывая медсестрой – делала уколы, перевязки, ставила капельницы, на девичьих посиделках гордо живописала прелести семейной и беременной жизни моим неопытным подружкам, и те слушали, пораскрывав рты от любопытства. Мы много гуляли с Олегом вечерами – прогуливали меня и малыша. В общем, как говорится, дом – полная чаша.

Случилась и перемена в отношении моих родителей к Олегу. Папа после полугода семейной моей жизни поверил в порядочность и ответственность моего супруга. Олег исправно работал, нес в дом каждую копейку, алкоголь не употреблял. Вся его жизнь, как говорится, была сосредоточена на мне и ожидании сына (к тому времени с помощью волшебного аппарата УЗИ мы знали пол нашего малютки и уже придумали имя – Максим). В результате родители предло-

жили не только переехать к ним на пару лет, но и прописать Олега к нам, чтобы можно было встать в очередь на расширение жилой площади. Это был знак абсолютного доверия к моему супругу. Ведь с пропиской человек мог в любой момент претендовать на часть квартиры. В общем, все было настолько радостно и безоблачно в моей жизни, что, пожалуй, могу назвать это время самым счастливым в моей жизни. Жаль, что длилось оно так недолго...

Обычное ташкентское июньское утро. Семь часов, а уже начинает припекать. Яркое солнце, после яростной атаки на наши окна, пробилось-таки маленьким партизанским лучиком в щель между занавесками и защекотало мне в носу. Я открыла глаза с ощущением, что сегодня случится что-то очень важное в моей жизни. Стало радостно и жутко одновременно. Муж спал глубоким сном невинного младенца, славно присвистывая носом. Светлые русые волосы его были в полном беспорядке и напоминали разрушенное ветром птичье гнездо. Я погладила его по голове, разровняв «гнездо» на макушке. Чмокнула в лоб. Спит.

– Олег, – толкнула я мужа в бок, – Олег, просыпайся, дружище! Ну, давай же, лежебока, – с трудом ворочая своим круглым животом, я села на кровати и шлепнула легонько любимого мужа по спине. – У меня новость, кажется, я сегодня рожу.

– Ммм, Гулька... – блаженно забормотал он спросонья, – ты мне каждое утро это говоришь... и вчера говорила так...

и позавчера... – Он открыл глаза и улыбнулся. – Что-то он не торопится, наш сыночек. Но не переживай, Гульчонок, врач же сказал – до конца недели не родишь, будет класть тебя в больницу. С твоим отрицательным резусом пережидать опасно.

– Сегодня, я это точно знаю, ты уж мне поверь... Женщина, она такие вещи знаешь как чувствует... седьмым чувством.

– Ладно... женщина... ты не женщина, а шарик на ножках. Давай-ка, катись на кухню, ставь чайник, а то на работу опоздаю.

Проводив мужа на работу и позанимавшись какими-то пустяками, напившись с мамой чаю с чак-чаком (такое татарское лакомство, очень популярное и у нас, узбеков, делается из жареного теста и меда), я перегнулась через подоконник окна на нашем шестом этаже и подставила лицо ветру и солнцу. Как же хорошо жить на свете. Немножко страшно, конечно, что только про эти роды ни рассказывают. Ну, что больно, и все такое. Ну, все же рожают, и ничего. Мама вот троих родила... и я от нее не отстану.

В этот момент на мое лицо падает тень и перед моими глазами пролетает стокилограммовое тело тети Нины, нашей соседки с восьмого этажа. Со страшным грохотом оно ударяется о наш кондиционер, сносит его к чертовой бабушке, и с противным квакающим плюхом все это разбивается об асфальт перед нашим подъездом. Крики людей

внизу, все бегут к окнам смотреть, что случилось. Соседи, включая и мою маму, сбегаются вниз толкаться вокруг тела, ахать, охать, суетиться и обсуждать инцидент. Я смотрю вниз округлившимися глазами и чувствую жуткую резь внизу живота. Ноги мои подгибаются, и я падаю на пол возле подоконника.

– Мама, мама... – я беззвучно открываю рот, но жуткая боль не дает мне сил кричать, дыхание перехватывает... хоть бы она скорее вернулась. Превозмогая боль, я на четвереньках ползу до телефона и звоню Олегу на работу. Как назло, он где-то на дальнем участке своей стройки, но, слыша мой полный ужаса шепот и стоны, мне обещают его найти и сразу же отправить домой. Я без сил падаю на пол в прихожей... боль стала периодически отступать и возвращаться. Я громко взхлеб дышу и стою, как раненый кит, выброшенный на берег, автоматически отмечая толстый слой пыли под тумбочкой, на которой стоит телефон.

В дверь тайфуном врывается мой муж, попутно ведя перепалку с мамой о том, что она стоит и глазеет черт знает на что, вместо того, чтобы быть с рожаящей дочерью. Меня поднимают, несут на кровать, дают горячего чая, ношпу, и боль постепенно отступает. Вот я могу уже, опираясь на руку Олега, добраться до лифта и потихоньку доковылять до дороги.

Как назло, отец уехал к родственникам в Самарканд на два дня – стало плохо тетке, его родной сестре, – и мы оста-

лись без машины. Ловим такси, но везти нас в такую даль никто не хочет. Дело в том, что рожениц с отрицательным резусом крови принимали только в родильном отделении при Институте переливания крови, а это очень далеко, почти за городом. Наконец, кто-то соглашается, и мы трясемся на заднем сидении жигуленка. Меня мутит от запаха бензина, и боль, похоже, усиливается. Черт, скорей бы приехали, но нет. Как говорится, пришла беда – отворяй ворота. Машина ломается, дядька шофер ругается матом, ходит открывать капот, льет воду туда. Я тихонько подвываю, уткнувшись мужу в плечо. Олег берет меня в охапку и вытаскивает на дорогу...

– Извини отец, нам ждать, сам видишь, некогда... чинись спокойно, – он сует в руки водителю мятую купюру и становится на середину дороги, расставив руки. Первая же машина тормозит со скрипом тормозов и шипением шин...

– Ты что, придурок, жить расхотелось... Тут же, видимо, заметив меня в скрюченном состоянии у обочины: «Куда везти, брат?»

В результате, после бесконечных поисков, находим дверь в приемный покой... Олег под стрессом начинает дергать ручки всех дверей, кричать, чтобы привезли каталку... санитарки уводят меня под руки в палату, а его выталкивают в коридор. Через пелену боли помню стенки, выкрашенные до половины зеленой краской, санитарок в белых халатах. Кто-то гладит меня по голове, кто-то стягивает сарафан и пе-

реодевает в больничную рубашку, мне теперь больно все время, без перерыва, болит везде – спина, живот, ноги. Я сама по себе представляю шар, наполненный этой невозможной мукой. Я хочу только, чтобы все скорее закончилось. Пусть все скорее закончится.

В холле больницы Олег болтается от двери до двери. Его длинные ноги отмеривают четырнадцать шагов туда и обратно – длина коридора. К нему подходит бабушка-санитарка:

– Ну что ты маешься-то, сынок. Шел бы домой. Первый ребенок-то?

– Да... Когда она родит, а? Сколько ждать?

– Ну, первородка... тут тебе никто наверное не скажет, может, два часа, а может, и сутки... иди себе домой, выпей чаю с валерианкой. Авось, позвонят, когда все закончится.

Мне бы тоже пойти домой и пить чай с валерианкой. Ну почему мужчинам так просто жить на свете. Иди себе, пей чай, переживай дома на диване. А мне тут мучиться. Я лежу одна в палате, периодически заходят то врач, то медсестры, то санитарки.

– Сколько еще, доктор... сил нет... больно.

– Всем больно, милочка, все терпят, – врач, женщина холодная и уставшая, с желтыми мешками под глазами и пергидрольным цветом отбеленных волос.

Через час примерно... счет времени я потеряла, зашел другой врач, осмотрел меня, позвал санитарок, все засуетились, позвали еще врачей. На мои вопросы они отвечали

только: «Расслабьтесь, дышите глубоко».

Решили стимулировать роды, мяли мой живот, проталкивали малыша, я почти теряла сознание от боли. Наконец, вот оно, мое счастье – слезы текли по щекам. Ребенок, мальчик, и, главное, мой!

– Какой он красивый, – осипшим от боли и криков голосом произнесла я, – прямо весь в меня.

– Ну, мамочка, – усмехнулась молоденькая санитарка, – от скромности не помрете, отдыхай, давай, дело сделано. Намучалась, небось. Ребеночек-то трудный попался, еле достали.

Меня везут в палату, где я, наконец, погружаюсь в такой желанный, безболезненный, отключающий реальность сон, чтобы видеть в нем моего мальчика, красивого, сильного и умного. Как его папа. Их вместе. И я тоже. Все идем, держась за руки, и смеемся. И весь сон такой легкий, спокойный, светлый. Наверное, то, что я испытала во сне, называется ощущением абсолютного счастья.

Меня разбудил скрип двери – медсестра. Оказывается, уже утро, как я долго спала. За дверью вижу лица мамы и папы. Но почему-то лица не счастливые, а серые, напряженные. Медсестра производит осмотр и уходит, а родители мнутя в сторонке.

– Ну как ты, дочка? – папа смотрит на меня, как будто ждет, что у меня вот-вот лягушка изо рта выскочит. Мама молчит, это так на нее не похоже. Потом не выдерживает

и кидается с плачем ко мне на кровать. Я не понимаю ничего.

– Мам, пап, что случилось? Где Олег? С ним что-то случилось? – затараторила я. – У меня сын родился такой красивый, вот увидишь, пап, с тобой одно лицо, только глаза другие. Мам, да хватит плакать. А Олег когда придет? Он внизу ждет, да? Пап, я тут встать пока не могу, болит все. Ты сходи, спроси, когда мне сына принесут, там дежурная в коридоре была...

Отец резко выходит и тут же возвращается со вчерашней женщиной-врачом. Теперь мешки у нее под глазами синего цвета. Рот – как щель, она приоткрывается и...

– Ваш ребенок умер ночью, девушка. Мне очень жаль. Это случается.

Рыдания мамы. Молчание отца. Где муж-то мой?

– Нет, нет, тут ошибка. Фамилия – Липченко. Вчера родился. Сын. Максим.

– Все верно. Гульнара, надо быть сильной. Мальчик погиб. Родовая травма. Такое случается. Я пришлю медсестру с успокоительным уколом.

В голове у меня все закружилось. Я отталкиваю рыдающую маму и с криком: «Отдайте мне моего сына» лечу с кровати на пол, пытаюсь встать, опять падаю, рву на себя дверь, и опять голова кружится... смутно помню, как меня уложили на кровать, боль от укола в руке и тошнотворное головокружение, которое постепенно переходит в пугающую грязную темноту.

Просыпаюсь опять от тошноты и головной боли, но глаза открывать боюсь. Я уже вспомнила, от чего во мне живет ощущение кошмара. Они тут все, в этой больнице, сошли с ума. Сказали, что Макс умер. Этого же не может быть. Я держала его на руках. Он был в порядке. Боже, вот я дуруха. Это же был всего лишь сон. Кошмар, ну да, так бывает. Роды для женщины – стресс, они послужили катализатором того, что мозг расслабился, наконец, и выпустил все накопленные за беременность страхи в этот сон. Сейчас я позову санитарку, и она принесет мне Макса покормить.

Открыв глаза, я снова погружаюсь в мой кошмар. В углу стоят папа и Олег и о чем-то шепчутся. У моего мужа глаза красные, и такой вид, будто он не спал трое суток. Видя, что я открыла глаза, он бросается ко мне:

– Гуля, Гулечка, он жив. Максимка жив. Он в реанимации. Я им тут их осиное гнездо разнесу, они чуть не угробили сына мне. Ты не волнуйся. Ты только лежи, тебе вставать нельзя. Швы разойдутся.

– Что с малышом? Почему реанимация? Ты видел его?

– Я не знаю. Они тут все разное говорят. С главным врачом так и не поговорил – два дня не могу поймать. В реанимацию не пускают. Говорят – ждите.

– Где ты был вчера? Почему не пришел?

– Да я малость... ну, знаешь, с ребятами, как из роддома приехал, все давай поздравлять, мол, традиция, проставиться надо... виноват.

– Ты что,пил? – только сейчас замечаю идущий него слабый запах перегара. – Ты два дня пил, пока нашего ребенка тут чуть не умурили? Да ты хоть знаешь, что мне сказала эта ведьма белобрысая? Что Макс умер! Понимаешь, умер! Я сама чуть на месте не умерла... А ты в это время с друзьями пьянствовал... Да ты... – я задыхаюсь от гнева и обиды – ты... как ты мог...

– Прости, Гуль, но ведь они говорят – традиция... Я никогда больше... поверь, прости меня, Гуль. Да я за Макса им тут всем глотки поперегрызаю.

Я откидываю одеяло и, стоная от боли, сползаю с больничной койки. Живот болит, швы тянет, мне наплевать. Олег пытается меня удержать, но на его плечо ложится увесистая рука отца.

– Оставь ее.

Я бреду по больничным коридорам как танк по минному полю – медленно, но верно. Теперь остановить меня никто не сможет. Я должна увидеть моего сына. Из палат слышатся стоны рожениц. Тусклый свет ламп, пол загажен чем-то. Пахнет больницей и кашей. Как же тут все противно. Ненавижу это место, скорей бы забрать малыша и бежать отсюда без оглядки.

Слезы катятся по лицу, я размазываю их кулаком, и сжимаю кисть с такой силой, чтобы ногти врезались в кожу. Боль заряжает меня энергией, и я пробиваюсь через все препоны в реанимацию, к дежурному врачу. Полная загорелая жен-

щина с добрым понимающим взглядом.

– Вы знаете, что такое симптом Арлекина, Гуля? Идемте, я покажу вам вашего ребенка.

В палате реанимации она подводит меня к люльке и разворачивает комочек ткани, внутри которого находится мой сын. Граждане, кто придумывает эти названия болезням? Это жестоко. Арлекин. Половина моего ребенка синего цвета. А другая – ярко-розового. Причем это разделение до того ровное, как будто границу по линейке прочертили. Я в ступоре. Смотрю на сына, не могу ни пошевелиться, ни глаз отвести. Слов нет.

– Вы видите? – говорит мягким голосом врач. – Выраженное различие в окраске правой и левой половин тела новорожденного. Скорее всего, следствие грубых вегетативно-сосудистых расстройств, спровоцированных родовой травмой. У малыша нарушено кровообращение. Кроме того, у вас с ребенком резус-конфликт. Стресс пережили в день родов, у вас в анкете написано. Мне очень жаль, стечение стольких печальных обстоятельств. Такое бывает.

Что же они все твердят одно и то же. Такое бывает. Такое бывает. Как будто они про порвавшийся башмак говорят. Где? С кем такое бывает? Ни разу такого ужаса не видела. Почему такое бывает только со мной?

– Он будет жить, доктор? – хрипло спрашиваю я. Она посмотрела на меня со смесью жалости и усталости.

– Никто вам гарантии не даст. Надейтесь. Молитесь. Мы

делаем все возможное.

Я вхожу в палату к папе и Олегу, не поднимая глаз от пола. Я не хочу никого видеть. Я хочу только своего малыша. Моего такого желанного Максима Олеговича. Разноцветного, какого угодно, моего маленького, мою зайку. Мое сердце сжимается, и спазм в груди не дает дышать. Чертова тетя Нина, которой приспичило выброситься из окна именно в тот день. Чертова мама, которая предпочла сплетничать в толпе соседей, а не остаться со мной. Чертов таксист и его сломанная машина. Чертовы врачи, которые не могли правильно принять роды. Почему за все ваши провинности должен отвечать маленький мальчик, которому всего два дня от роду? Будьте вы все прокляты, как я вас всех ненавижу. И себя тоже. Как мне спасти его? За что нам это? Ему больно сейчас? Когда мне его отдадут?

С каждым вопросом грудь сжимает все сильнее, подушка насквозь промокла от слез. Олег пробует взять меня за руку, я отталкиваю его руку, и отец, достав из кармана сигареты, уводит его из палаты.

В течение недели я то сижу, как арестант, в своей палате, то валяюсь на полу у реанимации в слезах и прошу отдать мне моего мальчика. В любом состоянии, но только живого! Каждый вечер мне кажется, что у меня не осталось больше слез, но проходит время, и глаза мои снова ими наполняются. Врачи твердят одно и то же. Ждите, надейтесь. Маму я больше не видела. Она не приходила ко мне в больни-

цу больше ни разу. Отец, вечно с грустными глазами и напряженным лицом, приходит каждый день. Говорит о чем-то с врачами. С Олегом стоят, совещаются в коридоре. Мне никто ничего не объясняет. По-моему, они думают, что у меня крыша поехала.

Выясняется, что не только у меня. В палату вбегает медсестра с бешеными глазами и кричит:

– Липченко, идите, идите скорее во двор. Там ваш муж. Уймите его, ради Бога, он нас всех тут спалит.

Я бросаюсь в дверь и бегу по коридорам вниз, на улицу. Скатываюсь по лестнице вниз на улицу, и налетаю на Олега с двумя канистрами бензина.

– Гуля, они тут все вымогатели. Они каждый день требуют с меня деньги на какие то немыслимые лекарства. Мы уже все отдали, что было, а они до сих пор ничего конкретного сказать не могут. Я требую у них позвать главного врача. Я до министра дойду, я расскажу, что за бардак у них тут творится. Они меня не замечали, слушать не хотели, сколько мы с поклонами ни ходили... только вот теперь очнулись, забегали, видимо, с ними по-другому нельзя... вот сожгу их тут к чертовой матери, может, тогда они очухаются и начнут делать свою работу...

Он дышит тяжело, я вижу, как он измучен. Я беру его за руку повыше локтя и встаю рядом. Вся администрация больницы высыпала на лестницу... я слышу звук милицей-

ской сирены. Приезжает милиция, они хватают Олега, орут на него:

– Ты идиот, ты понимаешь, что твои действия будут квалифицироваться как терроризм!?

– Сажайте, делайте, что хотите со мной, но поднимите шум, пусть наверху услышат, чтобы хоть кто-нибудь дал им тут пинок под зад. Я должен сына спасти. Он неделю уже тут умирает. Гуля, мать твоя отказалась помогать, говорит писать отказную, отцу плохо... сердце... мы с тобой вместе... я тебя люблю. И Макса люблю, мы прорвемся, родная!

Мой муж в тюрьме на трое суток, а меня с Максом срочно переводят в институт «Мать и дитя». В роддоме был большой скандал. Главного врача и кого-то еще сняли с работы. Я до сих пор не знаю, что там произошло в день моих родов и после, прикрывали ли они врачебную ошибку? Надеялись ли они, что Макс умрет и им удастся все замять? Но неделя промедления в лечении дорого досталась Максиму. Он провел в больнице 2 месяца. В августе мне разрешили его забрать. Моя мечта сбылась, я получила живого сына на руки. Если бы я тогда просила Бога вернуть мне сына здоровым, а не просто живым... Было бы это слишком много?

* * *

Отношения с родителями окончательно испортились. Мать свою я возненавидела за один день и навсегда. В день

нашего перевода из роддома в больницу.

Мамино напряженное лицо пыталось принять выражение сочувствия, даже изобразить натянутую улыбку, она, видимо, не могла решить, какую тактику убеждения выбрать: привычно «давить» авторитетом или сыграть роль мамы-добротого друга и советчика. Вышло ни то, ни се. Она бесконечно мерила палату шагами, поправляла что-то на моей кровати, переставляла банки-склянки на подоконнике, и говорила. Говорила такое, что у меня волосы дыбом вставали.

– Оставь его, он все равно не выживет. Напиши отказную.

– Зачем же мне писать, если он умрет, как ты говоришь?

Мама, что ты делаешь, это же внук твой! Как можно?

– Гуля, ты мне дочь, и я не хочу, чтобы жизнь твоя катилась коту под хвост. Ну, даже если выживет. Ты хоть понимаешь, что ты на себя берешь? Ребенок инвалид – это несчастная женская судьба. Ты думаешь, твой муж тебя будет поддерживать. Не делай вид, что не видишь, что он начал пить. Да, пока все хорошо было, и он себя держал, а как столкнулся с трудностями – вот, пожалуйста. А ведь настоящие трудности ваши еще и не начинались! Ребенок-то еще в больнице – за ним врачи смотрят. Они его лечат, кормят. А вы сидите дома и переживаете... А потом что? Ты не сможешь работать, ты будешь к нему, к этому инвалиду, привязана на всю жизнь. Ни друзей, ни работы, ни денег. Ни праздников, ни отпусков, ни отдыха. На улице в вас будут пальцем тыкать. Ты будешь за это, как собака, на всех кидать-

ся... А потом у тебя силы кончатся, терпение не резиновое. Но поздно уже будет, некуда деть будет его. Решайся сейчас. Что делать, Бог дал, Бог взял. Жаль, конечно. Но это еще не все. Будут другие дети у тебя, а этот забудется, ты ж молодая еще. Гуля, я прошу тебя, подумай. Я сидела молча, смотрела на мать и не могла поверить, что она все это говорит. Да, может она была не лучшей матерью мне, может, я завидовала иногда подругам, для которых мамы были и подружками, и поддержкой, и лаской не обижали. У меня ничего этого не было. Но ведь она была моя мама. Она же любила меня. Не могла не любить. Пусть по своему, как она это понимала, но любила! Как же она может говорить такие вещи? Она что, фашист? Гестаповец?

В начале разговора, как только я поняла, куда она клонит, я хотела объяснить ей, что я чувствую. Я хотела понимания, сочувствия и жалости, да, а что в этом плохого? Каждому надо, чтобы его жалели. Это глупость, когда говорят, что жалость провоцирует слабость. Ничего подобного. Когда тебя кто-то жалеет, ты понимаешь, что ты не один, что кто-то хотя бы попытался разделить твою беду, твою боль. Кто-то согласен морально поддержать тебя, хотя бы понять, на худой конец. В случае с моей мамой надеяться было не на что. Она была кремень. Оставалось сжать зубы и защищаться.

– Ничего, мы проживем. Я, Макс и Олег. У меня, мама, ни силы не кончатся, ни терпение. Ты понимаешь, что я не смогу жить, зная, что мой сын где-то один, без меня. Может, ему

больно, может, ему голодно или холодно. Может, его кто-то обижает. Как же я спать-то буду? Есть, дышать, в конце концов...

Из глаз моих полились слезы... оо, сколько же я соленых литров наплакала за эти месяцы!

– Вот попомнишь мои слова, а поздно будет, – мама смотрела на меня, как на щенка на улице, которого вроде и жалко, а домой взять – не возьмешь. И боишься лишний раз шаг сделать в его сторону, погладить, потому что он потом надеяться будет на что-то большее, а большее ты дать не готова.

Олег снял маленькую квартирку возле больницы, почти без мебели – колченогий столик да матрас на полу. От родителей каждый день ездить навещать Макса было нереально – слишком далеко, ни времени на это не было, ни денег. Вечерами мы сидели вдвоем, пили чай из щербатых пилушек и мечтали, что вот когда Макса вылечат и выпишут, мы будем настоящей семьей. Олег думал выучить Макса какому-нибудь ремеслу, может быть, сапожному, чтобы мог всегда копейку заработать, а я возражала, говорила, что, может быть, он захочет учиться и станет кем-нибудь, кем мы не смогли стать (институт-то я забросила). Олег смотрел на меня странно и уходил от темы.

Жили мы в жуткой нищете тогда – все накопления ушли на врачей, лекарства, на оплату квартиры уходила Олегова зарплата, а питались мы на его «левые» подработки и мои копейки от уколов, массажей и капельниц по соседям.

– Гулька, радуйся, – влетел вечером Олег в дверь, – Михалыч – вот мужик, прораб-то наш. К завтраму, к выписке-то Максимкиной, смотри какой царский подарок сделал! – Торжественно в комнату вплыла большущая картонная коробка.

Я тут же сунула внутрь свой любопытный нос, и ах! Коробка была полна красно-белых упаковок со смесью «Малютка». С картинки на коробке смотрел толстый и довольный карапуз. Сколько же там всего? Ага, пятьдесят коробок, ну, теперь Максу будет чем питаться на первое время! Молоко-то у меня как пришло, так и ушло – пить его было некому, сын был в реанимации, а туда даже кормить не пускали.

– Молодец твой Михалыч! Ты его поцелуй от меня завтра! – поцеловав мужа, я залилась счастливым смехом, представляя себе это зрелище – мой огромный двухметровый муж наклоняется чмокнуть в щеку маленького суховатого мужичонку с желтыми прокуренными усами. Ну, надо же, не перевелись добрые люди на земле! Дай ему Бог здоровья!

В те дни мне действительно казалось, что счастье опять поселилось у нас в доме. Да, пусть малюсенькое, еле различимое, но оно есть, и все возможно в этой жизни. Возможно быть счастливой даже при пустом холодильнике. Даже если родители и сестры не хотят с тобой разговаривать. Даже если не знаешь, будет ли чем заплатить за квартиру в следующем месяце. Это же все вещи поправимые. Вот только бы с сынулькой, с моим малышом, все было в порядке.

Макса выписали, и мой мир наполнился светом его боль-

ших серых глаз. Я ничего не замечала вокруг, кроме моего любимого сыночка, кормила его смесью из бутылочки, выносила его гулять на руках, коляски у нас пока не было. А он лежал себе тихонько и смотрел на меня. Так на меня никто не смотрел и никогда. В его вселенной я была в самом центре. Точнее, самым центром. Как солнышко. В его глазах я читала, что он будет меня любить всегда, несмотря ни на что – буду я красивая или нет, толстая или худая, молодая или старая. Я это чувствовала, и сердце мое щемило от нежности к этому маленькому существу.

Через неделю пришел отец. Хмурый. Вид больной. Шушукался опять с Олегом на кухне. Оказывается, втайне от матери принес нам денег. Спасибо, папа.

– Смотри, смотри пап, а ведь у Максимки твой нос! И уши! Точь-в-точь уши как у тебя! Вот потеха!

Я была так рада папиному визиту, ведь это может означать, что лед тронулся. Что моя семья примет Макса к себе. Надежда теплилась во мне и не собиралась умирать даже в последнюю очередь.

Сынишке было уже четыре месяца, а он еще не держал головку. Тогда я еще не знала, что и сидеть он у меня научится только в 2 года. И то только благодаря моим каждодневным усилиям: массажам, упражнениям и прочим процедурам, которым я обучалась, как могла – с миру по нитке.

Приходящая медсестра из поликлиники прятала глаза и говорила:

– Ну, у вас же ТАКОЙ мальчик. Сами понимаете. И тихонько пробиралась к выходу.

Я поднимала все свои недополученные за полтора года учебы знания, как сыскная собака, вынюхивала и разыскивала доступную литературу, таскала маленького Макса по физиопроцедурам, профессорам, гадалкам и бабкам-врачевательницам. Все, что угодно, лишь бы помогли. К сожалению, чуда не произошло. Я поняла, что мне нужно получить хоть какое-то законченное медицинское образование, чтобы работать с Максом и зарабатывать хоть как-то на жизнь. Так начались мои студенческие муки в медучилище имени Боровского.

– Липченко, как вам не стыдно! Посмотрите на свои тетради, пишете как курица лапой!

Ну как ему объяснишь, что писала в первом часу ночи, качая на ногах Макса и держа подушку на коленях. А на подушке тетрадку. Зато все, что написано, правильно, пусть не придирается.

Я грызла этот чертов гранит науки изо всех сил. Иногда из последних. Благодарю Бога, что Олег был тогда со мной. Как сейчас помню, сижу на лекции и слышу плач моего сына внизу под окном... две минуты... три... пять. Девчонки на меня оглядываются: «Гулька, твой?» Я виновато киваю. Не знаю, что делать, и лекцию нельзя пропускать, и дальше терпеть сил нет...

– Простите, можно выйти на минутку? – робко тяну я ру-

ку.

Преподаватель Одил Бахтиярович, мужчина в годах, смотрит на меня из-под кустистых бровей поверх очков... ворчит:

– Беги, беги, мамаша, только недолго. Пять минут тебе даю.

Каждый день мы занимаемся с Максом. Он уже привык терпеть боль, которую я ему причиняю, даже почти не плачет. Каждодневные часы массажа и упражнений – это его реальность. Ему очень трудно все дается, но он пытается, делает усилия – я это вижу. Может быть, мне кажется, он еще слишком маленький, чтобы что-то понимать. Но порой, когда у него в очередной раз не получается удержать голову или спинку в том положении, которое я пытаюсь им придать, я вижу его сожаление, что он не оправдывает моих ожиданий. Я приободряю его, не устаю повторять, что у нас все получится, что он у меня самый красивый, самый умный и самый лучших мальчик на свете. Я буду говорить ему это всегда. Потому что это правда.

Я тоже делаю подчас все автоматически. Как чистка зубов – каждодневный ритуал. Я устала думать. Я устала безрезультатно вопрошать в небеса: «За что!?» Ладно, я, может, я где-то согрешила, может, я заслужила. Но малыш мой? Он за что страдает?

Я, как и многие мои ровесники, родилась в семье атеи-

стов. Хотя, я думаю, веру за одно-два поколения искоренить невозможно. Скорее всего, мои родители верили, каждый в своего Бога, только обсуждать это вслух было не положено. Официально в стране Бога не было. Он прятался неофициально внутри людей. Я росла с убеждением, что главный творец своей судьбы – сам человек. Теперь мне этого было мало. Мне нужны были высшие силы. Да, мне нужно было волшебство, сверхъестественная мощь, высшая справедливость. То, чего на тот момент в моей жизни не было.

Я думала о том, что если Бог есть, значит, Он либо за что-то ненавидит меня и моего сына, либо Он никакой не всемогущий, и весь мой кошмар творится без Его ведома. Я ненавидела такого Бога. Зачем Он?

Потом я стала винить во всем себя. Я прекрасно знала, что я не одна такая. Я видела других больных младенцев в очередях в поликлинике. Меня это не утешало. Я каялась и просила у Бога прощения за свою ненависть. У меня хватило ума понять, что ненависть – путь в никуда.

Однажды вечером муж опять пришел домой пьяный. В последнее время это случалось все чаще. Слова отца о том, что русские предпочитают бутылку всем остальным способам преодоления жизненных трудностей, постоянно звучали у меня в голове, хотя я упорно не хотела с ними соглашаться. Я упорно не хотела признать свою неправоту в споре с отцом, я оправдывала Олега, но в глубине души, конечно же, понимала, что мой любимый муж оказался слабым челове-

ком. Все, что на нас свалилось, было настолько не похоже на то, о чем мы мечтали, гуляя в парке перед свадьбой.

Ребенок-инвалид – это не только трудности бытия, это большой психологический груз. Это образ жизни, который надо либо принять таковым, какой он есть, либо нет. А принять его можно лишь при одном условии – при наличии огромной любви к своему ребенку. Любви, которая ни ставит под сомнения вопрос – оставлять или нет. Которая, как щит, защищает тебя от усталости, иногда жалостливых, а иногда брезгливых взглядов со стороны, одиночества и жестокости общества. Я тогда дала слово себе, что, когда отучусь и выберусь из нищеты, никогда не буду брать деньги за уколы и капельницы. Потому что мне НИКТО, подчеркиваю тремя красными линиями, НИКТО ничего бесплатно не делал. Может, это время было такое, жесткое, жестокое. Люди учились выживать после советских тепличных условий. Да, в Союзе мы не жировали, но и не голодали. Теперь же, чтобы не голодать, надо было отгрызать свой кусок, расталкивая таких же, как ты, и не зевать.

Мне некому было пожаловаться: с родителями мы почти не общались, папа был болен и почти не выходил из дома. Нам с Максом туда путь был закрыт – мама ясно дала мне это понять во время нашего последнего разговора. У сестер была своя жизнь, они занимались ею и не имели никакого желания лезть в мою. Даже для того, чтобы помочь. Даже для того, чтобы поговорить. Я – изгой. Хорошо, все равно

жаловаться мне не дала бы гордость. Скорее, гордыня.

– Господи, шептала я в своей импровизированной молельне в углу крошечной кухоньки, – Господи, если Ты слышишь меня. Ты должен слышать, ведь душа моя кричит изо всех сил. Помоги! Все, что мне надо, – это здоровый сын. Я уже просила Тебя вернуть его мне, тогда, валяясь на полу перед реанимацией в роддоме, вернуть живым. Почему я не сказала «живым и здоровым»?! Ну, хорошо, может, не совсем здоровым, но насколько это возможно. Чтобы он мог ходить, сам кушать, уметь делать необходимые вещи. Господи, пусть у него в головке все будет на месте! Врачи сказали, что при его отклонениях возможно нормальное интеллектуальное развитие. Пока результаты хорошие, пусть и дальше так будет. Я выучусь, буду работать с ним каждый день. Я не устану, не сдамся. Я даю слово! И... если у нас все будет хорошо, я клянусь, я положу жизнь на то, чтобы помогать таким же, как он! Я никогда не откажу в помощи больному ребенку!

В отчаянии я была готова дать любой зарок, пообещать что угодно. Невольно я вспомнила разговор с отцом перед свадьбой. О боги, в который раз! Тогда я тоже, без ума от счастья, готова была пообещать отцу невозможные вещи, лишь бы он дал согласие на свадьбу. Как похожи и какие разные эти две ситуации! Как давно это было! От той глупой, безобидной, наивной и счастливой девчонки ничего не осталось, только воспоминания, потерянные, далекие и потому ка-

кие-то нереальные.

Говорят, трудности делают характер. Судя по моей жизни, высшие силы из меня готовили никак не меньше, чем Маргарет Тэтчер, железную леди. Готова поспорить, этой леди и не снилось то, что выпало мне. Ладно, договорились не ныть, значить, не ныть. Прорвемся.

* * *

Было малышу около полутора лет тогда. Этакий ангелочек с русыми кудряшками и огромными живыми серыми глазами. Спал он с нами в нашей кровати. В ногах. Как-то вечером вижу раскуроченную кровать и моего мужа, проводящего археологические раскопки между одеялом и простыней.

– Ты чего там копаешься? – недоуменно спросила я Олега. Он вытащил взъерошенную голову из-под одеяла и уставился на меня в упор.

– Иголку не видела, Гуль? Пришла моя очередь тарашить на него глаза.

– Я шил, ну, зашивал брюки здесь утром, она, собака, выпала, и все. Как сквозь землю. Все перетряхнул.

– Боже мой, только этого не хватало, давай вместе искать. Еще уколется кто-нибудь ночью.

Через двадцать минут, пересмотрев все постельное белье и обшарив матрас под увеличительным стеклом, мы сдались. Может, в щель на полу укатилась, может, на одежду прице-

пилась, да упала потом где-то. Ничего хорошего, но, авось, найдется.

Ночью Максимка спал плохо, сильно плакал. Я, сонная, ничего не замечала, качала на руках, прижимала к себе, а утром увидела, как черная нитка свисает из-под локтя малыша. В сердце моем как будто оборвалась струна, на которой все держалось. Ну, за что ему все эти мучения? Оказывается, проклятая игла зашла в ручку чуть повыше локтя и там сломалась. Часть с ушком я вытянула за нитку, а часть с острием осталась внутри.

Я рвала и метала, обвиняя Олега во всех смертных грехах. Я плакала и угрожала. Не выдержав моей истерики, он хлопнул дверью и ушел на работу. Я кинулась к телефону обзванивать подруг по училищу в поисках специалиста, который мог бы сыну помочь. Из всех названных имен выбрала профессора Ниязова – светило детской хирургии. Сгребла в ладошку последние деньги на такси, ревущего Макса в охапку, и помчалась в больницу.

– Так-так, девушка, – Ниязов, низенький, с брюшком и слегка лысеющий товарищ, смотрел на меня сверху вниз, несмотря на то, что я была сантиметров на пятнадцать выше его ростом, – кем, вы говорите, муж работает?

– Он строитель простой, Аблулла Мирзаевич. Помогите прошу вас, я найду деньги.

– Ааа, найдете, говорите? – он противно зацокал языком. – А вы хоть знаете, о какой сумме речь идет? Опера-

ция-то из разряда сложнейших. А вдруг у вашего мальчика заражение крови, а? А вдруг нерв задет? Он и так у вас... трудный... так тут еще и это. Я вам, дорогая, скажу, это еще и не каждый возьмется делать. Ох ох ох... как же вас, девушка, угораздило, а? Следить надо за ребенком, да... ох ох...

Он встал, прошелся по кабинету, усиленно скрипя деревянным паркетом, подошел ко мне, похлопал по плечу.

– Что же делать, профессор? – взмолилась я – у меня никого нет! Помогите, пожалуйста! У меня на вас вся надежда.

– Что, что делать... нет у вас ничего, кроме надежды, денег даже нет у тебя, девочка. Муж никчемный. Да. Что глаза круглые делаешь? Был бы толковый муж, он бы тут сидел, а не ты. Ладно, помогу тебе, добрый я человек, ничего тут не поделаешь. И денег не возьму.

Я готова была ему в ноги упасть. «Спасибо, Господи, за всех добрых людей, которых ты мне посылаешь!»

– Только, – продолжает мой «спаситель», – поскольку оперировать я возьмусь лишь из моего личного желания тебе помочь, без денег, без бумаг, придешь вечером ко мне. Принесешь ребенка, оставишь в больнице, а сама тут останешься в моем кабинете, понимаешь, о чем я, девочка?

Он опять взялся хлопать меня по плечу, и рука его как будто невзначай сползает в вырез моего платья и сильно сжимает грудь. Мне как будто лягушку в платье засунули, так было противно. Так вот что, оказывается, тут означает доброта и благородство. Рыцарь наших дней профессор Ниязов

почти безвозмездно помогает отчаявшейся матери вылечить ребенка, безвозмездно, всего-то за одну ночь, проведенную с ним на кушетке в его кабинете. Желающим записываться в очередь.

Сию и не могу пошевелиться, от отвращения и гнева ступор нашел. «Боже, Боже, что же делать? Вот старый кобель, ты же клятву Гиппократу давал, черт тебя побери в твоих круглых гигантских очках и с блестящей лысиной! И как тебя земля носит?»

Мой «благодетель» извлек свою влажную ручонку из моего декольте, облизнул и без того блестящие от слюны губы, и прошлепал на место, вытирая на ходу белым платочком капельки пота со лба.

– Иди, иди, девочка. Мне работать надо. В девять часов придешь, – обыденно пробормотал он и уткнулся носом в бумаги на столе, показывая мне всем своим видом, что аудитория окончена.

Притащилась я домой с моим хныкающим свертком на ватных ногах. Ладно, время есть еще, надо Олегу позвонить на работу. Он, наверное, тоже всех на ноги поднял, ищет врача. И нас ищет, беспокоится. После утренней ссоры и моей истерики мы не разговаривали, он хлопнул дверью и ушел, а я села за телефон и сразу потом уехала к Ниязову.

Толкаю дверь, странно – она не открывается, нажала бедром со всей силы – дверь поддалась и медленно тяжело по-

ехала внутрь квартиры. По другую сторону двери на полу лежало тело. Моего мужа. Вот почему дверь не открывалась. Запах водки, которым на километр разило от супруга, не оставлял сомнений, чем он занимался весь день, пока я обрывала телефон, тряслась в трамвае, пробивалась к кабинету, где обитает «светило науки» и, наконец, терпела все эти его «ох и ах, заходи ближе к вечеру, девочка». Фу.

А тут вот что. Лежит, молчит. А я-то, дурочка наивная, думала, беспокоится, на ноги всех поставил, телефоны обрывал. Ан нет. Теперь помочь мне некому. Никому мы с тобой, Макс, не нужны. И надеяться можем только на себя. Сын уснул в одеялке у меня на руках, я тихонько отнесла его на кровать. Взгляд упал на торчащие из-под кровати носки кирзовых сапог, которые Олег одевал на работу.

Волна из смеси отчаяния, гнева и злости, накопленных за сегодняшний день, стала медленно подниматься из желудка к голове. Я сунула ноги в сапоги, метнулась в коридор, где лежало бездыханное тело, и давай пинать его ногами изо всех сил, вымещая на нем все мое горе, пока не упала рядом, задыхаясь и захлебываясь слезами.

Не знаю, сколько я там пролежала, упиваясь жалостью к себе, но отчетливо понимая, что другой альтернативы, кроме как пойти к гадкому профессору, у меня уже нет. «Ничего, перетерпишь», – говорила я себе. Не сахарная, авось, не растаешь. Вроде так раньше бабушки говорили. Не ты первая, не ты последняя. Так тоже говорили они, наверное,

эти бабушки. Ты уже столько терпела ради своего малыша. Главное – чтобы достали иголку. Остальное не важно.

Мои самоуверенные прервал телефонный звонок. Я побежала в комнату, чтобы скорее ответить, пока не проснулся Максим.

– Гуля, ты? Привет, это я, Анора, с курса. Мне девочки сказали, у тебя с ребенком беда. Ты решила вопрос? Если что, мы поможем.

– Аааа, да спасибо, – забормотала я, стараясь унять дрожь и хрипоту в голосе, – я к Ниязову ездила...

– Что? Профессор который? Из Института? При чем тут он? Да он в жизни таких вещей не делал. И что он? Согласился?

– Ну... там операция сложная, дорогая, а у меня платить ему нечем было. И он... – тут я опять пустилась в рыдания.

– Ясно, водится за ним такой грех, вечером к себе приглашал, да? Не вздумай туда соваться. Приезжай к нам в больницу, у меня тут есть ребята – молодые, но талантливые хирурги. Аспиранты дежурят ночью – все сделают, не волнуйся.

– Нет, я не могу, Анор, там тяжелый случай, он мне объяснил, это так опасно...

– Он тебе лапшу на уши повесил, Гуля. Ну, ты ж сама медсестра, подумай, что там такого опасного. Мои мальчишки в день по тридцать таких операций делают. Приезжай к 11 часам, тут спокойнее будет, моя смена.

– У меня денег на дорогу нет.

– Господи, ну займи, найди, Гуля, возьми себя в руки! Все, жду тебя! И не дури там!

В пять минут двенадцатого я сидела в коридоре отделения неотложной помощи. Дверь хлопнула, и ко мне выскочила Анора в компании двух молодых парней.

– Вот молодец, приехала. Знакомься – Саша и Алишер. Они сделают на раз-два-три твою «сложнейшую операцию». Там Ниязов твой консилиум не предлагал созвать?

Парни переглянулись и усмехнулись. Видимо, все были уже в курсе моих сегодняшних приключений.

– Анор, а они такие молодые. Они точно смогут? – зашептала я подруге в ухо.

– Я тебе сказала уже, они по десять раз в день оперируют. Тут надо к практикам идти, а не к профессорам, дуреха ты! Давай мне сюда ребенка. Сиди тут тихонько. Жди.

Через двадцать минут парень по имени Алишер вынес мне Макса, который ревел как резаный. Ух ты, дурная метафора. Ведь он и был такой. Рука забинтована.

– Анора занята. Вот ваше чадо, – он протянул мне Макса. – Дайте ладошку, Гуля. Вот вам на память, – и катнулась мне в руку злосчастная иголка, точнее, иголкина половинка. За сутки уже окислилась, черная вся – Будьте здоровы, берегите пацана. Он у вас молодец, смелый! Почти не плакал. А швы через две недели в районной поликлинике снимите.

Я не верила, что все закончилось. Я ведь уже почти при-

готовилась ехать к Ниязову. Убедила себя, что так надо.

– Как же мне отблагодарить-то вас, ребята? Со словами благодарности я принялась совать ему в карман два рубля – все, что осталось от занятой у соседей на такси пятерки. Он не взял.

– Уберите.., вон,.. герою конфет купите, – развернулся и пошел быстрым шагом назад.

* * *

Утром была разборка с Олегом, который был крайне озадачен количеством и качеством синяков, неизвестно откуда взявшихся. Еще более его удивило мое чистосердечное признание, что это моих рук, точнее, ног, дело. Апофеоза его удивление достигло, когда я недвусмысленно указала ему на дверь, процитировав глубокоуважаемого профессора Ниязова по части «никчемности мужа».

– Да пошла ты знаешь куда! Надоело! И так в лепешку расшибаешься ради них, бардак этот ваш вечный терплю, да еще и.., – рыкнул он и скрылся из глаз, оставив меня сидеть и смотреть в одну точку, лихорадочно соображая, чем же теперь платить за квартиру и на какие деньги выживать.

«Ничего, как-нибудь, – решила я, не зря я почти дипломированная медсестра. Руки, ноги, голова есть. Не кисни, прорвемся, брат», – подмигнула я Максиму, который лежал на моей подушке и тарасил глаза на окно, где серо-буро-мали-

новая какая-то птица прыгала на ветке, как на трамплине, и киснуть вроде не собирался. Жизнь продолжается.

Через две недели в нашей районной поликлинике сыну сняли швы, заразив его при этом гепатитом Б.

* * *

В детстве нас всех учат не врать. А как же, одна общеизвестная история про мальчика и кашу чего стоит. Мальчик не хотел есть кашу, а без предъявления чистой тарелки мама не взяла бы его в зоопарк. Он старался, бедняга, изо всех сил. Каша не желала глотаться. Он сыпал в кашу соль, сахар, варенье клал, горчицу с хреном, наконец. В конце концов, когда каша стала совсем уж несъедобной отравой, он сдался и вылил ее в окно. Выслушав мамины похвалы за чистую тарелку и помчавшись одеваться, мальчик услышал звонок в дверь. В подъезде стоял человек в нарядном костюме, пальто и шляпе. Все бы ничего, но на шляпе, пальто и костюме дымилась несъеденная каша. В конце этой истории родители поднимали палец и проникновенно говорили:

«Запомни, дружок, тайное всегда станет явным».

Я эту историю просто ненавидела. Жалко было мальчика. Обидно было за такое неудачное совпадение. И нужно было этому дядьке проходить под окном именно в этот момент! Однако выводы, которые я сделала в самом юном возрасте, возможно, удивили и разочаровали бы моих родите-

лей. Я думала, если бы мальчик затратил еще одну секунду и выглянул в окно прежде, чем лить туда свою кашу, все могло бы отлично получиться. Опираясь на свой недолгий жизненный опыт, я сказала себе – любое вранье может стать явным. А может и не стать. Все, что необходимо, – максимально продумывать все риски.

Мне в жизни, как я уже говорила, врать приходилось много. Иначе я бы просто не выжила. Конечно же, я не агитирую пропагандировать вранье маленьким детям. Наверное, правильно учить их быть честными, и всякому там прочему разумному, доброму и вечному. Наверное, жизнь сама научит их, где надо врать, а где нет. Понимать, где лжи можно было бы избежать, а где она, так называемая, ложь во спасение. Ну, кто из нас ни разу в жизни не врал? Пусть первый бросит в меня камень. И ведь большинство таких случаев имеет место быть не для личной выгоды, а просто потому, что собеседник не ожидает от нас правды.

Вот, представьте, ваша подруга выходит замуж. Вы приходите к ней домой в день свадьбы. Она уже вся такая нарядная, в белом платье и фате. Вы видите, что она изо всех сил старалась быть красивой в этот день. Ну, не дал Бог ей красоты. Может, что-то другое дал, ну, там, доброту, ум недюженный или талант какой-нибудь. Но, что уж там греха таить, страшна, как крокодил. И платье ей не подходит, и макияж только усугубляет. И вот, с сияющими от счастья глазами, она спрашивает:

– Ну как я? – и замирает, не дыша, в ожидании моего ответа.

– Ой, ну красавица! И платье так тебе идет! И макияж глаза здорово оттеняет! Твой жених в обморок упадет от счастья, когда тебя увидит!

Нет, ну а как еще!?! Ну, каким же надо быть зверем, чтобы сказать ей правду. То есть то, что вы реально думаете. К тому же, может, жених ее красавицей и видит. Влюблен все-таки. Мой папа всегда говорил: «Красота Лейлы в глазах Мейджнуна». Это такие герои-влюбленные одного нашего восточного эпоса. Говорил это он, кстати, чтобы утешить меня в печальные моменты жизни, когда я сама себе казалась уродиной и тихонько плакалась ему в плечо. Слова его меня совсем не утешали, потому что быть красивой только для одного влюбленного в меня человека не хотелось. Во-первых, хотелось быть красавицей для всех, в первую очередь для подружек, чтоб завидовали. Во-вторых, а вдруг не сыщется такой влюбленный в меня парень, тогда что? Или сыщется, а мне не понравится? Впрочем, оставим мои подростковые комплексы в покое и продолжим разговор о вранье, или, будем мягко говорить, неправде.

Была одна история, когда одни люди уж очень старались эту неправду утаить, но забыли одну мелкую деталь, которая, впрочем, приобрела неожиданный поворот.

Как и все мои истории, она начинается словами: «Позвали как-то меня поработать в один дом». Точнее, был это не дом,

а квартира, но в центре города, и достаточно хорошо, скажем даже, богато обставленная. Я делала массаж малышу трех месяцев, звали которого Вовка. Вовка вел себя замечательно, не кричал, не дергался, а с удивлением в кругленьких карих глазах наблюдал и терпел все увертюры, которые я с ним выделявала. Таким образом, мы с его маменькой имели возможность болтать о жизни и вообще всяком разном.

Альбина, мама малыша – молодая, стройная, легкая какая-то девушка. Нипочем не скажешь по ней, что Вовка – у нее уже третий малыш, а два старших ребенка – девочки-близнецы, уже школьницы, ученицы третьего класса.

Так получилось, что на втором сеансе массажа я спросила, не хочет ли Вовкин папа посмотреть на наши процедуры, а то иногда родители бывают легонько шокированы тем, как я кручу-верчу, чуть не в узел завязываю их драгоценное чадо, которое они и в руки-то взять только недавно перестали бояться. Я в таких случаях объясняю, что к чему, но не настаиваю. Родительские нервы тоже беречь надо – меняю программу на другую, попроще.

Надо признать, что первые пару месяцев жизни из ребеночка родители (особенно родители-новички) берут младенца на руки и совершают с ним необходимые манипуляции с немалым страхом и трепетом, как будто это не маленькая копия их самих, а ваза тончайшего фарфора династии Цынь. Это нормально – у малого ручки-ножки тоненькие, а голова болтается, как на ниточке, вот и боятся родители ненароком

что-нибудь вывихнуть, сломать или оторвать от своего драгоценного чада.

Процедура же укрепляющего массажа малыша до года благоговейного ужаса перед прикосновениями к младенцу не предполагает. Массаж состоит из двух частей, наземной, скажем так, сухопутной, и второй – водоплавающей. В первой части, начиная с поглаживания малыша по спинке, животу, ручкам и ножкам, я постепенно перехожу к более интенсивному контакту – поднимаю ручки и ножки, сгибаю, надавливаю, предлагая малышу толкать меня в ответ. Тут родители еще терпят, смотрят внимательно, стараются запоминать последовательность движений.

А вот когда приступаю к упражнениям на стимуляцию кровообращения и тренировку вестибулярного аппарата под кодовым названием «обезьянка», мамы начинают бледнеть, папы сжимают губы и кулаки, а бабушки бегут за валерьянкой. А всего-то поднимаю их малыша за ручки в воздух (причем у многих хватательный рефлекс настолько развит, что они вполне в состоянии самостоятельно держаться за мои пальцы и висеть), потом за ножки вниз головой. Для новорожденных в положении «вверх ногами» нет ничего странного – они девять месяцев так провели в животе у мамы. А вот для мам и пап – картинка, щекочущая нервишки.

Есть упражнение «маятник» – опять же подвесив младенца, качать его в стороны, он начинает инстинктивно сопротивляться, стараясь сохранить свое положение, напряга-

ет мышцы рук, косые мышцы живота.

Очень полезное упражнение «колобок» – собираешь маляву в такой клубочек, коленки прижимаешь к животу, ручки сгибаешь и прижимаешь к бокам, и катаешь его на круглой спинке взад-вперед – хорошо проминается позвоночник, спинка работает.

В конце сухопутной процедуры – бомба. Трехмесячный, скажем, ребенок сам встает! Сажаешь его, придерживая спинку, коленки вместе и согнуты – и, вуаля – срабатывает рефлекс разгибания коленочек и попа поднимается в воздух. Родители в холодном поту, бабушка в обмороке.

Не давая им перевести дух, окунаем ляльку в воду и, придерживая только за шейку, начинаем «катать» по ванне. На поворотах шея поворачивается на 90 градусов, задействованы все мышцы, отличная физкультура для самых маленьких. После такого сеанса спорта, как правило, дите засыпает часа на два. Оговорюсь, все выше сказанное не является руководством к действию, то есть «не пытайтесь повторить такое самостоятельно». Выглядит все просто, но производить такие манипуляции надо обладая знанием физиологии малыша и немалым опытом.

Моя же новая клиентка Альбина сказала, что папа их, к сожалению, сейчас в отъезде, и когда приедет – неизвестно, может, месяца через три-четыре. Потом, нисколько, не стесняясь, сказала, что она является второй женой своего мужа,

у которого есть еще семья в другом городе, и живет он то там, то тут, имея разного рода бизнес в обоих местах.

– Ааа... первая жена? Она знает про вас? Все-таки трое детей у вас тут. Скрывать, наверное, сложно.

– Кто его знает, – засмеялась Альбина, – мой то-красавец считает, что он мастер вранья и маскировки. Он-то уверен, что никто ни сном, ни духом...

Однажды этот отец двух семейств решил вывезти всех своих жен и детей на море. В одном курортном городке он снял на месяц квартиру в двух шагах от моря. Предполагалось, что на первые две недели он поедет с Альбиной и детьми, а на вторые приедет его первая жена со своими чадами.

Первые две недели прошли прекрасно, всей семьей ходили на экскурсии, вдоволь накупались в море, наелись шашлыков, чурчелы и прочих курортных вкусностей. Пришла пора уезжать. Муж Альбины всячески контролировал сбор вещей, настаивая, чтоб ни игрушки, ни ниточки, ни волосинки не осталось от их пребывания. Квартиру Альбина выдраила, только что языком не вылизала. Перед отъездом пять раз прошлась по всем комнатам, заглядывая в каждый угол, не осталось ли чего, каких-то личных вещей, которые могут дать почву для каких-либо подозрений законной супруги. Впрочем, квартира сдается, так что мало ли кто там мог жить раньше. В полной уверенности, что квартира чиста от компромата, щедрый отец семейства отвез супругу номер два

с детьми в аэропорт, где и встретил супругу номер один с отпрысками и повез показывать снятую для их отдыха квартиру.

Через дня три он позвонил Альбине в расстроенных чувствах, если не сказать в панике – оказывается, поутру отец двойного семейства задумал сделать себе омлет, подошел к холодильнику, чтобы достать яйца и молоко, и застыл на месте. Как они могли об этом забыть? Как они могли упустить из виду или просто не заметить? На холодильнике, среди остальных магнитиков, принадлежавших хозяйке квартиры, красовался магнит с фотографией Альбины и девочек (Вовки тогда еще не было) в обнимку с ним на фоне моря и под красноречивой подписью «Адлер 2011».

– Черт побери, – кипятился неудавшийся конспиратор, – это же все равно, что явку с повинной написать! Но ведь ОНА ничего не сказала. Думаешь, могла не заметить? Что делать, Господи, что же делать?

– Не знаю, – тянула Альбина, прекрасно понимая про себя, что все ОНА заметила и предпочла промолчать, чтобы не раздувать скандал и не портить себе и другим отдых. – Может и не заметила, не психуй раньше времени.

Понятно же, что, застукав мужа не просто на измене, а, что гораздо серьезнее, на наличии двойной жизни на протяжении многих лет (девчонки были как две капли воды похожи на отца), нужно принимать решение. Либо ты закатываешь скандал и заставляешь мужа выбирать между тобой

и ЕЮ. Тут есть риск, тут еще, как говорится, бабушка надвое сказала, а вдруг выберут не тебя? Надо быть готовой остаться одной. Есть вариант закатить скандал, но потом простить. Дав, таким образом, послабление режима супружеской верности. Тут ситуация чревата последствиями – муж поймет, что все, что нельзя, можно, только осторожно. Даже если чего опять откроется, ну что – поскандалит законная супруга денек и успокоится. Опять нехорошо. Гораздо удобнее не заметить, может, потом, ко времени, и намекнуть на что-нибудь этакое... чтобы подогреть чувство вины подследственного. Как всем известно, мужья, измученные чувством вины, стараются эту вину всячески загладить... Подарками, например, примерным поведением, театрами, ресторанами и прочими радостями женской жизни.

– Тут я поняла, – говорит с усмешкой моя собеседница, – что жена-то у моего, далеко не дура. Неспроста у меня так и не вышло этого молодца из семьи-то увести, несмотря на все мои усилия... Да вы не смотрите так, я не монстр и не аморальная беспринципная стерва, которая семью хотела разрушить или к мужику при деньгах прицепиться. Я люблю его. Очень люблю. Ну, как говорится, любовь зла. Я смирилась уже со своим положением. Есть, как говорится, свои плюсы, свои минусы. Где написано, что если у тебя все не очень так, как у всех и как положено, так ты не можешь быть счастливой. Как сейчас, говорят: быть счастливой или нет – вопрос твоего собственного выбора...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.